

RE:RACHMANINOFF

DANIIL SAYAMOV | ДАНИИЛ САЯМОВ

RE:RACHMANINOFF

DANIIL SAYAMOV | ДАНИИЛ САЯМОВ

Сергей Рахманинов

Соната № 1 для фортепиано ре минор, соч. 28

1 I. Allegro moderato	15.14
2 II. Lento	9.14
3 III. Allegro molto	16.09
4 «Вариации на тему Корелли», соч. 42	19.33

Общее время: 60.14

Даниил Саямов, *фортепиано*

Запись 2020 г.

Звукорежиссер – Мария Соболева

Sergei Rachmaninoff

Piano Sonata No. 1 in D minor, Op. 28

1 I. Allegro moderato	15.14
2 II. Lento	9.14
3 III. Allegro molto	16.09
4 <i>Variations on a Theme of Corelli</i> , Op. 42	19.33

Total time: 60.14

Daniil Sayamov, *piano*

Recorded in 2020.

Sound engineer – Maria Soboleva

RE:RACHMANINOFF

DANIIL SAYAMOV | ДАНИИЛ САЯМОВ

РАХМАНИНОВ И ЕГО ВЕРГИЛИЙ

Есть композиторы, сочиняющие за столом, и те, кто пишет за роялем. Рахманинов относился ко вторым, но точнее было бы сказать, что он сочинял роялем. Клавиши были нервными окончаниями его пальцев.

Огромные кисти рук, масштаб инструмента и образ мысли Рахманинова подталкивали его к созданию больших фортепианных полотен. Но крупные формы давались ему нелегко и еще труднее находили путь к пониманию. «Вариации на тему Корелли» при жизни автора никто, кроме него, не играл, а Первая соната не стала репертуарной даже сейчас.

Хочется только благодарить пианистов за это – в эпоху, когда каждый любящий классическую музыку человек слышал основной корпус фортепианных сочинений Рахманинова сотни раз, незаигранная Первая соната воспринимается как неприметно лежащее сокровище – ее можно слышать свежо, следуя за течением музыки почти без подсказок внутреннего слуха. А ее «проблемная» форма, на которую музыковеды прошлого указывали как на причину неуспеха сонаты, из сегодняшней перспективы представляется выверенной и безупречной – и привлекающей в том числе тем, что она не соответствует романтическому стандарту, который уже давно не кажется единственно верным. Первая соната – полая, неспешная, самодостаточная. Она похожа на любимый Рахманиновым знаменитый распев, а значит, на макроуровне повторяет рисунок большинства мелодий, составляющих ткань сонаты.

RE:RACHMANINOFF

DANIIL SAYAMOV | ДАНИИЛ САЯМОВ

Эти мелодии – простые, почти недвижные, почти отказавшиеся от мелодической изобретательности ради точности тихого интонирования – одно из главных чудес сонаты, и особенно они поражают в диалектическом сочетании с типично рахманиновской полноводной фактурой.

Мелодия среднего раздела второй части вообще способна свести с ума – тем, как она парадоксальным образом сквозь постоянные изгибы обнаруживает свою абсолютную прямоу и чистоту. Ее хочется назвать одновременно и невыразительной, и предельно выразительной. Ее сестры – тема-ектения в первой части и заоблачная побочная финала – делают сонату единым пространством невероятных мелодических откровений.

Из нескольких свидетельств известно, что первоначальная идея сонаты была связана с тремя гётевскими героями – Фаустом, Маргаритой и Мефистофелем. То, что отказ Рахманинова от этой программы был верным решением, слышно в самой музыке: в ней нет ничего немецкого и ничего литературного. Гётевскую трицу, скорее, стоит трактовать как архетипическую структуру, которую – с большой долей условности – можно вербализовать так: сознание (Фауст, первая часть), душа (Маргарита, вторая) и смерть, поглощающая то и другое (Мефистофель, третья). Приметы первоначальной программы остались в финале в виде *dance macabre* (пляски смерти) и средневековой секвенции *Dies irae* («День гнева»). Но эти знаки смерти, как известно, появляются в наследии Рахманинова

регулярно (со временем – все чаще) и не требуют личного присутствия лукавого.

Соната кончается абсолютно беспросветно, и это редкость даже у такого трагедийного художника как Рахманинов. Лишь еще один его сонатно-симфонический цикл потребовал такого же исхода – второе «Элегическое трио», в котором Рахманинов оплакивал своего кумира Чайковского.

А всего у Рахманинова 13 крупных сочинений, завершающихся в миноре, из которых пять – в ре миноре. В подростковые годы он любил ре минор больше всех тональностей, да и потом постоянно возвращался к нему в ключевых опусах – «Алеко», Первой симфонии, Третьем концерте. Рахманиновский ре минор хранит в генетической памяти черноту моцартовского Реквиема и музыки ада из его «Дон Жуана», ветер Девятой симфонии Бетховена и 24-й прелюдии Шопена. Но главный его исток – в той самой секвенции *Dies irae*, которую Рахманинов сделал сквозным лейтмотивом своего наследия. Всё перечисленное – музыка, так или иначе связанная с апокалипсисом, и недаром в последней рахманиновской партитуре – финале «Симфонических танцев» – вновь звучат *Dies irae* и пляска смерти, оттаптывающая свой рисунок в ре миноре.

В альбоме Даниила Саямова ре минор властвует безраздельно: «Вариации на тему Корелли», как и Первая соната, начинаются и кончаются в этой тональности. Два опуса близки и по настрою,

RE:RACHMANINOFF

DANIIL SAYAMOV | ДАНИИЛ САЯМОВ

и по интонационному языку (опора на секунду в мелодии и квинту в гармонии) – так что «Вариации» при прослушивании сразу после сонаты могут даже восприниматься как ее альтернативный финал. И если «законный» финал вызывал у самого Рахманинова вопросы по поводу стройности формы, то в «Корелли» эти вопросы решены блистательно – за счет корсета вариаций, как в еще одном ре-минорном шедевре, Скрипичной чаконе Баха, послужившей моделью для рахманиновских «Вариаций на тему Корелли».

Первую сонату и «Вариации» разделяет больше лет (24), чем опусов (14), потому что эмиграция надолго прервала поток музыки Рахманинова. Более того, «Вариации» – последнее его произведение для сольного фортепиано и единственное, написанное за четверть века жизни вне России. И это очень слышно: в скромных первых созвучиях, начинающихся почти из тишины, Рахманинов будто цепляется пальцами за маленький кусочек своего пространства, потом вырывает у тьмы эти 20 минут музыки – и в конце все снова схлопывается. Возникает ощущение одиночества, потерянности «Вариаций» в чуждом океане чуждой музыки. И даже этот остров не стал для Рахманинова крепостью: исполняя «Корелли», Сергей Васильевич часто пропускал те или иные вариации, иронично объясняя это реакцией на усиливающийся или ослабевающий кашель в аудитории.

Почему воображаемый океан вокруг острова «Вариаций» был так чужд Рахманинову? Потому что он был убежден, что стал свидетелем заката музыки, и остро ощущал несвоевременность, ненужность

собственного творчества («я чувствую, что музыка, которую мне хотелось бы сочинять, сегодня неприемлема»). Конец времени композиторов для него был очевидным фактом, и возможно, что именно этот факт является сердцевинной рахманиновского апокалипсиса. Да, на его век с лихвой хватило и «внешних» концов света – гибели дореволюционной России и Второй мировой войны, – но недаром сам он говорил, что в нем «85 % музыканта и 15 % человека».

В музыке Рахманинова почти всегда сквозит тоска по утраченному. Эта тоска порой находит выражение в тяготении к специфическим музыкальным темам из прошлого, на которых Рахманинов строит собственные опусы. 24-й каприз Паганини («Рапсодия на тему Паганини»), до-минорную прелюдию Шопена («Вариации на тему Шопена»), фолию из сонаты Корелли («Вариации на тему Корелли») объединяют минорный лад, четкость структуры, магическая закольцованность. Рахманинов опирается на эти темы, цепляется за них, строит на их скелете свои вариационные структуры. Кажется, что он призывает давно умерших коллег пройти вместе с ним сквозь конец света, берет их в проводники, как Данте – Вергилия (оба, кстати, появляются во плоти в опере Рахманинова «Франческа да Римини», завершающейся в ре миноре).

Уже после написания «Вариаций на тему Корелли» Рахманинов узнал общеизвестный сегодня факт: Арканджело Корелли был не автором фолии, а лишь одним из ее аранжировщиков. Но название сочинения Сергей Васильевич менять не стал. Возможно, ему было важно,

RE:RACHMANINOFF

DANIIL SAYAMOV | ДАНИИЛ САЯМОВ

чтобы его Вергилием стал именно Корелли – первый в истории великий композитор-инструменталист, основоположник жанра концерта и прародитель симфонии. В «Вариациях» они вдвоем – первый композитор и последний – летят сквозь адский вихрь, чтобы в 14-й вариации, в точке золотого сечения, обрести внутреннюю опору, спеть гимн красоте – и затем навсегда исчезнуть.

Ярослав Тимофеев

Даниил Саямов – один из самых незаурядных пианистов настоящего времени. Его игра отмечена музыкальными критиками как «яркая, захватывающая, магически воздействующая на слушателей. В ней всегда слышна уникальная исполнительская концепция, мощный заряд внутренней энергии, удивительная способность погружать публику в свой неповторимый музыкальный мир».

Даниил родился в Ростове-на-Дону в семье музыкантов. По окончании музыкальной школы при Ростовской консерватории имени С.В. Рахманинова, где он обучался в классе профессора С.И. Осипенко, в возрасте 15 лет поступил в консерваторию, но уже через год, после победы на Международном юношеском конкурсе пианистов имени С.В. Рахманинова в Тамбове, получил от Народной артистки РФ, профессора В.В. Горностаевой приглашение перевестись в Московскую консерваторию.

За годы учебы пианист стал лауреатом и призером престижных международных конкурсов, таких как конкурс имени Н. Рубинштейна в Москве (2001), итальянских Valsesia Musica и конкурса в городе Канту (2003), Эстонского конкурса пианистов в Таллинне (2006), фортепианного конкурса на острове Хилтон-Хед (США, 2006), имени С. Рахманинова в Москве (2008), Шотландского конкурса пианистов в Глазго (2010).

Позже, окончив аспирантуру Московской консерватории и получив степень Master of Performance в Королевском колледже Лондона, Даниил Саямов стал ассистентом Веры Горностаевой, одновременно

RE:RACHMANINOFF

DANIIL SAYAMOV | ДАНИИЛ САЯМОВ

Фото: Михаил Бучин / Photo: Mikhail Bouchine

углубляясь в напряженные поиски собственного исполнительского стиля, много и успешно гастролировал.

Начиная с 2013 года Даниил – постоянный участник концертных абонементов Московской консерватории, он ежегодно исполняет несколько сольных программ.

В декабре 2018 года пианист представил российскую премьеру Второго фортепианного концерта Магнуса Линдберга на фестивале «Лики современного пианизма» в Концертном зале Мариинского театра.

В гастрольной карте музыканта – выступления в США, Великобритании, Канаде, Израиле, Германии, Японии, Южной Корее, Австрии, Голландии, Швейцарии, Испании, Италии, Эстонии, Латвии, Азербайджане, Казахстане, участие в престижных международных фестивалях, таких как фестиваль Валерия Гергиева «Лики современного пианизма» (Санкт-Петербург), *Ars Longa* (Москва), *Stars at the Rhine* (Базель), *Simurq* (Баку), а также в ежегодном музыкальном фестивале «Эстафета Веры», посвященном памяти В.В. Горностаевой. Записи Даниила Саямова транслируются на Национальном радио Голландии (*Radio 4*) и британском *Celtic Music Radio*.

RE:RACHMANINOFF

DANIIL SAYAMOV | ДАНИИЛ СЯЯМОВ

RE:RACHMANINOFF

DANIIL SAYAMOV | ДАНИИЛ СЯЯМОВ

RACHMANINOFF AND HIS VIRGIL

There are composers who write at the table and those who write at the piano. Rachmaninoff was among the latter, but it would be more accurate to say that he composed with a piano. The keys were the nerve endings of his fingers.

Rachmaninoff's huge hands, scale of the instrument and way of thinking pushed him to create large piano works. But large forms did not come easily to him, and it was even more difficult to find ways to understanding them. No one but him played the *Variations on a Theme of Corelli* in the composer's lifetime, and the First Sonata has never become a repertoire piece.

I just want to thank the pianists for this – in the age when every lover of classical music has heard the body of Rachmaninoff's piano works hundreds of times, the rarely performed First Sonata is perceived as an inconspicuous treasure – it can sound fresh, following the flow of music almost without prompting from the inner ear. From today's perspective, its "problematic" form, which musicologists of the past pointed to as the reason for the sonata's failure, seems to be measured and impeccable – and attractive because, among other things, it does not meet the romantic standard, which no longer appears to be the only right one. The First Sonata is acclivous, unhurried, self-sufficient. It is similar to Rachmaninoff's beloved *znamenny* chant, which means that it repeats at the macro level the pattern of most of the melodies that make up the fabric of the sonata.

These melodies are simple, almost motionless, almost lacking melodic ingenuity for the sake of the accuracy of quiet intonation – one of the main wonders of the sonata, and they are especially striking in their dialectical combination with Rachmaninoff's typical full-flowing texture.

The melody of the middle section of the second movement is generally capable of driving you crazy – by the way it paradoxically reveals its absolute straightness and purity through constant bends. I would like to call it both inexpressive and extremely expressive at the same time. Its sisters – the litany theme in the first movement and the transcendental side theme of the finale – make the sonata a single space of incredible melodic revelations.

It is known from several testimonies that the original idea of the sonata was associated with three Goethean characters – Faust, Margaret and Mephistopheles. The fact that Rachmaninoff's rejection of this program was the right decision can be heard in the music itself: there is nothing German and nothing literary in it. Goethe's trinity should be rather interpreted as an archetypal structure, which – with a great deal of conventionality – can be verbalized as follows: consciousness (Faust, the first movement), soul (Margaret, the second movement) and death absorbing both (Mephistopheles, the third movement). The signs of the original program remained in the finale in the form of *danse macabre* (dance of death) and the medieval sequence *Dies Irae* (the Day of Wrath). But it is known that these signs of death regularly appear in Rachmaninoff's legacy (more often as time went on) and do not require the personal presence of the Evil One.

RE:RACHMANINOFF

DANIIL SAYAMOV | ДАНИИЛ СЯЯМОВ

The ending of the sonata is absolutely cheerless, and it's a rare case even with an artist as tragic as Rachmaninoff. Only one more of his sonata-symphonic cycles demanded the same outcome – the second *Elegiac Trio*, in which Rachmaninoff mourned his idol Tchaikovsky.

In total, Rachmaninoff wrote thirteen major works ending in minor, of which five are in D minor. In his teenage years, he loved D minor more than the rest of the keys, and kept returning to it in his principal opuses – *Aleko*, Symphony No. 1, Concerto No. 3. Rachmaninoff's D minor keeps in its genetic memory the blackness of Mozart's *Requiem* and the music of hell from his *Don Giovanni*, the wind of Beethoven's Ninth Symphony and Chopin's 24th Prelude. But its main source is in the very sequence *Dies Irae*, which Rachmaninoff made a continuous leitmotif of his legacy. All of the above is music connected in one way or another with the apocalypse, and it is not for nothing that in Rachmaninoff's last score – the finale of *Symphonic Dances* – revisits *Dies Irae* and the dance of death threading its pattern in D minor.

D minor reigns supreme on Daniil Sayamov's album: like Sonata No. 1, the *Variations on a Theme of Corelli* begin and end in this key. The two opuses are close both in mood and intonation language (reliance on a second in melody and a fifth in harmony) – so that the *Variations*, if listened immediately after the sonata, can even be perceived as its alternative ending. And if the “legitimate” ending raised questions from Rachmaninoff himself about the slenderness of the form, these questions are brilliantly resolved in *Corelli* – due to the corset of variations, as it is the case in another D

minor masterpiece, Bach's Violin Chaconne, which served as a model for Rachmaninoff's *Variations on a Theme of Corelli*.

A greater number of years (24) than opuses (14) separated the First Sonata and the *Variations* because emigration interrupted the flow of Rachmaninoff's music for a long time. Moreover, the *Variations* are his last work for solo piano and the only one written during a quarter of a century of his life outside Russia. And this is what we hear very clearly: in the modest first accords, which appear almost out of silence, Rachmaninoff seems to be clinging to a small piece of his space, then he rips out these 20 minutes of music from the darkness – and everything collapses again in the end. There is a feeling of loneliness, lostness of the *Variations* in an alien ocean of alien music. And even this island did not become a fortress for Rachmaninoff: when he performed *Corelli*, he often skipped certain variations, ironically explaining it as a reaction to an intensifying or weakening cough in the audience.

Why was the imaginary ocean around the island of the *Variations* so alien to Rachmaninoff? Because he was convinced that he had witnessed the decline of music and acutely felt the untimely, unnecessary nature of his own work (“*I feel the music I would like to compose is unacceptable today*”). For him, the end of the time of composers was an obvious fact, and it is possible that this very fact is the core of the Rachmaninoff apocalypse. Yes, in his life, he had more than enough of “outer” ends of the world – the death of pre-revolutionary Russia and the Second World War, but he had good reason to say that he was “85 per cent of a musician and 15 per cent of a man”.

RE:RACHMANINOFF

DANIIL SAYAMOV | ДАНИИЛ СЯЯМОВ

Rachmaninoff's music is almost always a longing for something lost. This melancholy is sometimes expressed in the gravitation towards specific musical themes from the past, on which Rachmaninoff builds his own opuses. What Paganini's Caprice No. 24 (*Rhapsody on a Theme of Paganini*), Chopin's Prelude in C minor (*Variations on a Theme of Chopin*), and *La Folia* from Corelli's sonata (*Variations on a Theme of Corelli*) have in common is a minor mode, clarity of structure, and a magical completion of the circle. Rachmaninoff relies on these themes, clings to them, builds his own variation structures on their skeleton. It seems that he calls on the long-gone peers to go with him through the end of the world, has them as guides, like Dante had Virgil (by the way, both appear in the flesh in Rachmaninoff's opera *Francesca da Rimini*, which ends in D minor).

Already after writing the *Variations on a Theme of Corelli*, Rachmaninoff learned the fact that is well known today: Arcangelo Corelli didn't compose *La Folia*, he was one of its arrangers. But Rachmaninoff did not change the title of the work. Perhaps it was important for him to have Corelli, the first great instrumentalist composer in history, the founder of the concerto genre and the progenitor of symphony, as his Virgil. In the *Variations*, the two of them – the first composer and the last one – fly through a hellish whirlwind to gain an inner foothold in the 14th variation, at the point of the golden ratio, to sing a hymn to beauty – and then disappear forever.

Yaroslav Timofeyev

Daniil Sayamov is one of the most original pianists of the present time. His manner has been noted by music critics as “*bright, exciting, producing a magical effect on the listeners. It is distinguished by a unique performing concept, a powerful charge of internal energy, and an amazing ability to immerse the audience in its inimitable musical world*”.

Daniil was born in Rostov-on-Don into a family of musicians. After finishing the music school of the Rostov Rachmaninoff Conservatory, where he studied with Prof. Sergei Osipenko, he entered the conservatory at the age of fifteen. A year later, after winning the Rachmaninoff International Youth Piano Competition in Tambov, he received an invitation from the People's Artist of the Russian Federation, Prof. Vera Gornostayeva to study at the Moscow Conservatory.

When the pianist was a student, he became a laureate and prize-winner of a number of prestigious international competitions, such as the Rubinstein Competition in Moscow (2001), Valsesia Musica and Cantu in Italy (2003), the Estonian Piano Competition in Tallinn (2006), the Hilton Head International Piano Competition in the USA (2006), the Rachmaninoff Competition in Moscow (2008), and Scottish International Piano Competition in Glasgow (2010).

Later, after completing his postgraduate studies at the Moscow Conservatory and receiving a Master of Performance degree from King's College London, Daniil Sayamov became an assistant to Vera Gornostayeva while delving into an intense search for his own performing style and touring intensively and successfully.

RE:RACHMANINOFF

DANIIL SAYAMOV | ДАНИИЛ СЯЯМОВ

Фото: Михаил Бучин / Photo: Mikhail Bouchine

Daniil has been a regular participant of the subscription concerts of the Moscow Conservatory since 2013, performing several solo programs every year.

In December 2018, the pianist presented the Russian premiere of Magnus Lindberg's Piano Concerto No. 2 at the *Contemporary Piano Faces* held at the Concert Hall of the Mariinsky Theatre.

The musician's tour map now includes performances in the USA, the UK, Canada, Israel, Germany, Japan, South Korea, Austria, the Netherlands, Switzerland, Spain, Italy, Estonia, Latvia, Azerbaijan, and Kazakhstan. He has appeared at a number of prestigious international festivals, such as Valeri Gergiev's *Contemporary Piano Faces* in St. Petersburg, *Ars Longa* in Moscow, *Stars at the Rhine* in Basel, *Simurq* in Baku, as well as the annual music festival *Relay of Faith* dedicated to the memory of Vera Gornostayeva. Daniil Sayamov's recordings have been presented on the National Radio (Radio 4) of the Netherlands and Celtic Music Radio in the UK.

РУКОВОДИТЕЛИ ПРОЕКТА:	PROJECT SUPERVISOR – ANDREY KRICHEVSKIY
АНДРЕЙ КРИЧЕВСКИЙ, КАРИНА АБРАМЯН	LABEL MANAGER – KARINA ABRAMYAN
МЕНЕДЖЕР ПРОЕКТА – МАРИЯ ЛЫГИНА	PROJECT MANAGER – MARIA LYGINA
ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР – ТАТЬЯНА КАЗАРНОВСКАЯ	EXECUTIVE EDITOR – TATIANA KAZARNOVSKAYA
ДИЗАЙН – ГРИГОРИЙ ЖУКОВ	DESIGN – GRIGORY ZHUKOV
ПЕРЕВОД – НИКОЛАЙ КУЗНЕЦОВ	TRANSLATION – NIKOLAI KUZNETSOV
ФОТО: МИХАИЛ БУЧИН, СОФИЯ СКУДРЭ	PHOTO BY MIKHAIL BOUTCHINE, SOPHIE SKUDRÉ
ЦИФРОВОЕ ИЗДАНИЕ: ДМИТРИЙ МАСЛЯКОВ, РОМАН ТОМЛЯНКИН	DIGITAL RELEASE: DMITRY MASLYAKOV, ROMAN TOMLYANKIN

MEL CO 0739

©&© ДАНИИЛ САЯМОВ, 2021 / ©&© DANIL SAYAMOV
АО ФИРМА МЕЛОДИЯ, 2021. 123423, МОСКВА, КАРАМЫШЕВСКАЯ НАБЕРЕЖНАЯ, Д. 44, INFO@MELODY.SU
ВНИМАНИЕ! ВСЕ ПРАВА ЗАЩИЩЕНЫ. ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ (КОПИРОВАНИЕ), СДАЧА В ПРОКАТ, ПУБЛИЧНОЕ ИСПОЛНЕНИЕ
И ПЕРЕДАЧА В ЭФИР БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ ПРАВООБЛАДАТЕЛЯ ЗАПРЕЩЕНЫ.

WARNING: ALL RIGHTS RESERVED. UNAUTHORISED COPYING, REPRODUCTION, HIRING, LENDING, PUBLIC PERFORMANCE AND BROADCASTING PROHIBITED.
LICENCES FOR PUBLIC PERFORMANCE OR BROADCASTING MAY BE OBTAINED FROM JSC «FIRMA MELODIYA», KARAMYSHEVSKAYA NABEREZHNYA 44, MOSCOW, RUSSIA, 123423, INFO@MELODY.SU.
IN THE UNITED STATES OF AMERICA UNAUTHORISED REPRODUCTION OF THIS RECORDING IS PROHIBITED BY FEDERAL LAW AND SUBJECT TO CRIMINAL PROSECUTION.

WWW.MELODY.SU